

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Социологический институт

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет социологии

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

*Посвящается 40-ой годовщине со дня смерти
Николая Сергеевича Тимашева (1886–1970)*

Материалы Всероссийской научной конференции
«Четвертые чтения по истории российской социологии»
18-19 июня 2010 г.

Санкт-Петербург
2010

УДК 330.101:316
ББК 60.5
Р 76

*Утверждено к печати Ученым советом
Социологического института РАН*

Р 76   **Российское общество в современных цивилизационных процессах** / Под ред. В.В. Козловского, Р. Г. Браславского. СПб.: Ин-терсоцис, 2010. — 494 с.
ISBN 978-5-94348-061-4

В сборнике публикуются материалы Всероссийской научной конференции «Четвертые чтения по истории российской социологии «Российское общество в современных цивилизационных процессах» (18–19 июня 2010 г.). Тематика статей разнопланова, но сфокусирована на трех проблемах: методология анализа современных цивилизационных процессов; модернизация и глобализация как факторы цивилизационного развития; цивилизационная динамика и идентичность российского общества.

Книга рассчитана на всех интересующихся проблемами цивилизационного развития современного российского общества.

*Конференция и издание подготовлены
при поддержке гранта РФФИ 10-06-06026-г.*

ванности в обществе этого интеллектуального продукта (утопии всегда в моде), сколько в связи с отсутствием видения адекватных «орудий труда», пригодных для переустройства социальной реальности. За последние, по крайней мере, три века эти орудия труда, однако, обнаружили свою природу, и в открытый список этих орудий попали государство, партии, гражданские инициативы в форме общественно-политических движений. Представляется, однако, что кроме перечисленных организационно-инструментальных механизмов (ресурсов) существуют иные и, может быть, гораздо более эффективные, и искать их надобно в иных, кроме политики, областях общественной практики. Необходимо отметить при этом, что вряд ли это будут «информационные технологии» хотя бы потому, что формальная логика «да или нет» не в состоянии ухватить, описать и объяснить происходящее в диалектическом, по сути, общественном движении и развитии. «Цифровое» исчисление общества, четко проводящее грань между бытием и небытием, черным и белым, не дает возможности (способа) работать с нюансами, деталями, переливами, оттенками и т.п., в то время как лики истории не стабильны, а изменчивы и а статистике, и в динамике. Виртуальная история — плодотворная в силу своей фантастической парадоксальности игра по текущим правилам субъективного (волюнтаристского по сути) творчества, однако к сотворению реального исторического бытия она, к счастью, имеет лишь косвенное отношение, сама будучи продуктом определенных исторических обстоятельств. Суррогатный характер такого рода «условно-наказуемой» игры становится очевидным в любой экзистенциально-пограничной ситуации или в эпоху исторических поворотов. Реальную историю невозможно «перезагрузить» и начать сначала.

Р.Г. Браславский
(С.-Петербург)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО АНАЛИЗА¹

Цивилизационный анализ в социальных науках представлен несколькими основными направлениями: (1) теории происхождения и стадий эволюции цивилизации; (2) теории процесса/процессов цивилизации; (3) теории много-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-00840а.

линейного развития цивилизации; (4) теории локальных цивилизаций, культурных суперсистем и стилей; (5) теории цивилизаций как сетей взаимодействия; (6) теории «осевых» цивилизаций и множественных модерностей.

Теории происхождения и стадий эволюции цивилизации. Цивилизационная проблематика формировалась в социальных науках со второй половины XVIII в. вокруг двойного значения понятия цивилизации: сингулярного и плюрального. В дискурсе французских и шотландских мыслителей эпохи Просвещения доминировала унитарная концепция цивилизации неразрывно связанная с идеей прогресса. А. Фергюсон в труде «Опыт истории гражданского общества» (1767 г.) сформулировал трехчастную стадийную схему общественного развития «дикость — варварство - цивилизация». Спустя столетие эта схема была использована Л. Морганом («Древнее общество», 1877 г.) и Ф. Энгельсом («Происхождение семьи, частной собственности и государства», 1884 г.). В XIX и XX вв. сингулярное понятие цивилизации разрабатывалось в многочисленных теориях социальной и культурной эволюции, создававшихся представителями разных научных дисциплин — историками, антропологами, социологами. В рамках линейно-эволюционистской парадигмы возникли стадийные типологии цивилизаций. В исторической науке XIX в. с понятием «цивилизация» связано формирование нового типа исследования — «истории цивилизации» (Ф. Гизо, Г. Бокль) как «истории структур и процессов» в отличие от традиционной «событийной» историографии.

Постепенно произошло разделение проблематики, связанной с унитарной концепцией цивилизация, на два направления: (1) *антропологическое*, в котором на первый план выдвинулась проблема перехода от первобытных обществ с «примитивной» культурой к более сложным «цивилизованным» обществам, обладающих городами, государством, письменностью; и (2) *социологическое*, сосредоточившееся на объяснении хронологически гораздо более поздних процессов возникновения и развития современного индустриального/капиталистического общества. В рамках линейно-эволюционистской перспективы возникли социологические теории модернизации и конвергенции, но при этом сам термин «цивилизация» выпал из концептуального аппарата социологии. По большей части, за словом «цивилизация» в единственном числе осталась роль идеологического двойника понятий «модерное общество» и «модернизация».

Теории процесса/процессов цивилизации. Сингулярное понятие цивилизации ввел в социологию Н. Элиас в труде «О процессе цивилизации» (1939 г.). Н. Элиас связал динамику структурной дифференциации (разделение функций и удлинение цепочек взаимозависимости) и интеграции (формирование государства) с психологическими трансформациями, состоящими в увеличивающейся дифференциации и упрочении самоконтроля эмоций и поведения индивидов (Элиас 2001). В своей книге Н. Элиас рассматривал процесс цивилизации

применительно к изменению стандартов поведения и габитуса светских высших классов западноевропейского общества в период, начиная с позднего Средневековья. Но позже он сам и его последователи стали считать, что существует не один, а множество процессов цивилизации, протекающих в разных культурах, в разных по масштабу временных периодах, в разных социальных группах (Mennell 2008; Goudsblom, Jones, Mennell 1996).

Теории многолинейного развития цивилизации. Одно из направлений цивилизационного анализа связано с разработкой дихотомии «Восток — Запад» и акцентом на отношениях между экономическими и политическими институтами, властью и собственностью. Концептуальную основу для этого кластера теорий составили, прежде всего, концепции «азиатского» способа производства К. Маркса и Ф. Энгельса и патримониального господства М. Вебера, а также институциональная теория экономических систем К. Поланьи.

Во второй половине XX в. возникли различные модификации марксистской концепции «азиатского способа производства»: теории восточного деспотизма К. Виттфогеля (Wittfogel 1957), даннического способа производства (Amin 1976; Haldon 1993), государственного способа производства Л.С. Васильева (1982), политарного способа производства Ю.И. Семенова (2008). Веберовская концепция патримониализма была введена в современную социологию и политический анализ в конце 1960-х — начале 1970-х гг. работами Г. Рота (Roth 1968) и Ш. Эйзенштадта (Eisenstadt 1973). Концепцию патримониализма для объяснения российской истории применил Р. Пайпс (2004), при этом он также использовал концепцию вотчинного государства, разработанную русскими историками XIX в.

В рамках «многолинейного институционализма» можно выделить две основные интерпретации темы «Восток и Запад». В одной подчеркивается перманентная противоположность между Востоком и Западом на протяжении от классической античности до настоящего времени и внимание сосредотачивается на институциональном анализе препятствий к изменению, объясняющих «отсталость» и «косность» Востока в противоположность особому динамизму Запада (таковы, например, модификации теории азиатского способа производства К. Виттфогеля и Л.С. Васильева). В другой интерпретации отвергается идея о базовой исторической дивергенции Востока и Запада, подчеркивается всеобщий характер институциональных структур, социального развития с самого начала цивилизации вплоть до прорыва индустриального капитализма, который рассматривается как историческая мутация, радикальное отклонение от общего паттерна развития, а не как кульминация универсальных для человечества эволюционных тенденций. Так, Дж. Хэлдон включает докапиталистические фазы западной истории в ряд даннических формаций (Haldon 1993). В свою очередь, К. Поланьи полагал, что все экономические системы вплоть до эпохи заката феодализма в Западной Европе строились на

принципах реципрокности, редистрибуции или домашнего хозяйства, и только в XIX в. совершился переход к экономической системе, основанной на принципе обмена и рыночной институциональной модели (Поланьи 2002).

В российской социологии с 1990-х гг. в рамках «билинейного институционализма» получили развитие описания социальной эволюции России, включая ее советский и постсоветский периоды, как «азиатского» или «незападного» типа цивилизационного развития (например, Шкаратан 2004; Кирдина 2000; Бессонова 2006; Семенов 1993).

Теории локальных цивилизаций, культурных макросистем и стилей. Плюральное понятие цивилизации, связанное с понятием культуры, получило разработку в традиции сравнительного изучения цивилизаций, с которой, прежде всего, и ассоциируется цивилизационный анализ. Это направление представлено теориями локальных цивилизаций, культурных макросистем и стилей (Н.Я. Данилевский, Н.И. Хлебников, О. Шпенглер, А. Тойнби, П.А. Сорокин, А. Кребер, Ф. Бэгби, Р. Кулборн, К. Куигли, В. Каволис, Ш. Ито, М. Мелко, С. Хантингтон, историки «ментальностей» в школе «Анналов» и др.).

Теории цивилизаций как сетей отношений и социальных контактов. Новое направление в изучении цивилизаций связано с применением сетевого подхода, в рамках которого цивилизации рассматриваются не как гомогенные и стабильные системы, а как гетерогенные и подвижные сети отношений и социального взаимодействия, выделяемые на основании экономических, политических и культурных критериев.

«Сетевое» направление в цивилизационном анализе наиболее ярко представлено теориями Д. Уилкинсона и Р. Коллинза. Широкое применение сетевого подхода характерно для ориентированного на сравнительно-исторические исследования мир-системного анализа (например, Chase-Dunn, Jorgenson 2003). Общие черты применения сетевого подхода как в мир-системном, так и цивилизационном анализе заключаются в акценте на социальном взаимодействии, в том числе в форме конфликта, и гетерогенности рассматриваемых исторических систем. Различия заключаются в фокусировании анализа на культурных или геополитических и экономических факторах.

Теория цивилизаций Д. Уилкинсона носит экономико-политический характер и является скорее версией мир-системного анализа (Wilkinson 1994). Принятому в теориях локальных цивилизаций критерию культурного единобразия Д. Уилкинсон противопоставляет критерий экономической и политико-военной взаимосвязи между городами и государствами (Wilkinson 2002). Цивилизации являются мир-системами, критерием выделения которых являются города и закрытые транзакционные сети между ними. Цивилизации являются многоуровневыми сетями. Помимо городов, связанных торговыми путями, узловыми точками цивилизационной сети являются государства, объединяемые отношениями влияния, альянсов и войны. Развивая идеи конфликт-

ного функционализма Г. Зиммеля и Л. Козера, Д. Уилкинсон рассматривает социальный конфликт как форму социальной ассоциации и фактор социального объединения. Цивилизация — это культурно, экономически и политически разнородная и внутренне конфликтная социальная система.

В теории цивилизаций Д. Уилкинсона внедрение сетевого подхода сопровождалась практически полным игнорированием культурных факторов. Но как показывает теория Р. Коллинза, сетевая трактовка цивилизаций вовсе не означает отказа от идеи автономии культуры. Р. Коллинз определяет цивилизацию как зону престижа, имеющую один или несколько центров — мест, в которых производятся разного рода символические объекты, притягивающие внимание людей (Collins 2001: 421). Зона цивилизационного престижа представляет собой сетевую структуру социальных контактов, потоков людей и их внимания. По этой причине, цивилизации всегда больше, чем общества или государства, т.е. социальные системы, имеющие границы. Центры цивилизации могут располагаться внутри государств и в некоторой степени зависеть от них, но престиж цивилизационных центров может распространяться далеко за пределы государства.

Понятие цивилизации как зоны престижа в корне отличается от определения цивилизации как культуры самой по себе, т.е. как культурной программы, или культурного кода, детерминирующего верования, поведение людей, социальные институты. Р. Коллинз критикует представление о цивилизации как статичной и монолитной сущности. Наоборот, понятие цивилизации как зоны престижа направляет внимание на социальную деятельность и на культурное разнообразие как существенные характеристики цивилизации. Р. Коллинз подчеркивает автономию цивилизационного престижа от геополитической и экономической гегемонии. Для того чтобы регион стал зоной культурного престижа, он должен создать организационные условия для поддержания интеллектуального творчества небольшого количества конкурирующих школ.

Сетевая трактовка цивилизаций Р. Коллинза близка сетевому подходу в сравнительно-историческом направлении мир-системного анализа, претендующего на создание общей теории исторических систем, но при этом ограничивающегося исключительно анализом торгово-экономических и военно-политических сетей. Справедливая критика представителями мир-системной теории тойнбианской теории локальных цивилизаций сопровождается неправомерным игнорированием относительной автономии культуры и исключением из рассмотрения цивилизаций как социокультурных сетей, отличных от экономических и геополитических сетевых структур, что, в свою очередь, является объектом критики для Р. Коллинза.

Сетевая трактовка цивилизаций Р. Коллинза и сетевая теория мир-систем могут рассматриваться как комплементарные по отношению друг к другу, что, однако, не снимает с повестки вопроса об отношениях между торгово-эконо-

мическими, военно-политическими и культурными макросетями и потоками. В любом случае представляется, что целостная теория исторических систем наряду с анализом экономических и политических мир-систем должна включать изучение культурных транссоциетальных сетей (цивилизаций). Взаимодополнительность культурного цивилизационного и политико-экономического мир-системного подходов провозглашалась Д. Уилкинсоном, но практически не была им реализована: несмотря на предпочитаемое им использование термина «цивилизация», его теория представляет собой разновидность мир-системной теории. Важно и то, что сам И. Валлерстайн не игнорировал полностью цивилизационное измерение, а только отводил ему подчиненное место в рамках своей неомарксистской модели анализа. Развитие сравнительно-исторической перспективы в мир-системном анализе, стремящегося к построению целостной теории исторических систем, а также ориентация социологического цивилизационного анализа на рассмотрение культуры в соотношении со структурно-институциональными компонентами социоисторических формаций при одновременном отказе от идеи культурного детерминизма в пользу принципа автономии культуры, создают предпосылки для конвергенции этих двух направлений исторической социологии.

В целом, теории цивилизаций Д. Уилкинсона и Р. Коллинза показывают, что неоднократно подвергавшаяся критике классическая модель локальных цивилизаций, построенная на принципах гомогенности, когерентности, эндогенности, инерционности, преодолевается в современном цивилизационном анализе на основе сетевого подхода.

Теории «осевых цивилизаций» и множественных модерностей. К середине 1970-х гг. относится начало «цивилизационного поворота» в социологии, ключевая роль в котором принадлежала Ш. Эйзенштадту. Им было задано другое, по сравнению с теорией Н. Элиаса, направление дальнейшей разработки классических тем социологии — с опорой не на сингулярное, а на плюральное понятие цивилизации. По его словам, цивилизационный поворот в социологической теории лучше всего понимать как стремление к обоснованию автономии культуры (в противоположность всем версиям структурного функционализма), но без поддержки культурного детерминизма, характерного для структуралистских подходов (Eisenstadt 2000: 1). Общественное разделение труда является эволюционным универсальным механизмом разрешения проблем коллективного человеческого существования, но оно (как отмечали классики социологии), в свою очередь, порождает новые проблемы, связанные с регуляцией отношений власти и социального неравенства, преодолением отчуждения, созданием солидарности и доверия, придания смысла и легитимности различным формам социальной активности. В противоположность предпосылкам классического эволюционного и структурно-функционального анализа различные измерения структурной дифференциации развивают неко-

торые автономные тенденции, и они могут образовывать в разных обществах различные комбинации. Структурная дифференциация не сопровождается институциональной и культурной конвергенцией и унификацией человечества. В центре цивилизационного анализа Ш. Эйзенштадта оказывается проблема институционального изменения в соотношении с культурными трансформациями.

Цивилизационные формации Ш. Эйзенштадт определяет как комбинации онтологических или космологических видений с регулятивными рамками основных арен социального взаимодействия (Eisenstadt 2000: 2). Отношения между символическим и институциональным уровнями открыты конфликтующим интерпретациям и их стратегическому использованию социальными акторами, прежде всего, различными типами элит и их коалиций, осуществляющими контроль над аллокацией ресурсов в обществе и являющимися носителями разных типов культурных ориентаций или онтологических видений. Институционализация правящими элитами своих ориентаций и видений в качестве базовых предпосылок социального порядка порождает тенденции к протесту, конфликту и изменению, направляемые обычно вторичными элитами, которые пытаются мобилизовать для достижения своих целей различные социальные группы и ресурсы.

Особую роль в возникновении модерности Ш. Эйзенштадт отводил цивилизациям «Осевой эпохи» с характерными для них онтологическими представлениями о существовании фундаментальной напряженности между трансцендентальным и мирским порядками. Важнейшими особенностями динамики осевых цивилизаций стали: стремление к реконструкции мира в соответствии с представлениями о выбранном пути преодоления фундаментальной напряженности между трансцендентным и земным порядками; тенденция к экспансии (в которой миссионерские идеологические и религиозные мотивы соединялись с политическими и экономическими импульсами); развитие внутренней способности к трансформации, которая иногда достигала кульминации во вторичных «прорывах». Наиболее глубокая трансформация подобного рода произошла в рамках европейско-христианской осевой цивилизации и привела к возникновению модерности как новой цивилизации с особой культурной и институциональной программой, которая затем распространилась на другие части мира, вызвав появление множественных модерностей.

Наряду с Ш. Эйзенштадтом (Eisenstadt 2000) теория множественных модерностей с 1990-х гг. разрабатываются Й. Арнасоном (Arnason 2000), Б. Виттроком (Wittrock 2001; Виттрок 2002), Дж. Деланти (Delanty 2003), П. Вагнером (Wagner 2010) и др. В современных дискуссиях о единстве и разнообразии форм модерности теория множественных модерностей представляет собой альтернативу как теориям модернизации/конвергенции, так и теориям дискретных цивилизаций.

Ахиезер А.С. Россия — расколотое общество: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1.

Бергер П.Л. Введение: Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс, 2004.

Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.

Васильев Л.С. Феномен власти-собственности: К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М., 1982.

Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис. 2002. № 1 (66). С. 141-159.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.

Масловский М.В. Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. 1995. № 2.

Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Пайтс Р. Россия при старом режиме. М.: «Захаров», 2004.

Поланья К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

Семенов Ю.И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. 1993. № 20.

Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: Центр новых издательских технологий «Волшебный ключ», 2008.

Уилкинсон Д. Центральная цивилизация // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории / Под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. № 4.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х т. СПб.: Университетская книга, 2001.

Amin S. Unequal Development. N.Y.: Monthly Review Press, 1976.

Arnason J.P. Communism and Modernity // Daedalus. 2000. Vol. 129.

Chase-Dunn C., Jorgenson A. Regions and Interaction Networks: An Institutional-Materialist Perspective // International Journal of Comparative Sociology. 2003. № 1. Pp. 1-18.

Collins R. The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.

Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // International Sociology. 2001. №3.

Delanty G. The Making of a Post-Western Europe: a Civilizational Analysis // Thesis Eleven. 2003. Feb. Vol. 72.

Eisenstadt S. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. Beverly Hills (CF): Sage, 1973.

Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Thesis Eleven. 2000. Vol. 62.

Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. № 1.

Goudsblom J., Jones E., Mennell S. The course the human history: Economic growth, social process, and civilization. N.Y., 1996.

Haldon J.F. The State and the Tributary Mode of Production. London: Verso, 1993.

Mennell, Stephen. Civilizing Processes // Encyclopedia of Social Theory. 2004. SAGE Publications. 24 Dec. 2008. <http://www.sage-ereference.com/socialtheory/Article_n45.html>.

Roth G. Personal Rulership, Patrimonialism and Empire-Building in the New States // World Politics. 1968. № 2.

Schmidt V.H. Multiple Modernities or Varieties of Modernity? // Current Sociology. 2006. Jan. Vol. 54.

Wagner P. Multiple Trajectories of Modernity: Why Social Theory Needs Historical Sociology // Thesis Eleven. Number 100. February 2010.

Wilkinson D. Civilizations Are World Systems! // Comparative Civilizations Review. 1994. Spring.

Wilkinson D. Civilizations as Networks: Trade, War, Diplomacy, and Command-Control // Complexity. 2002. № 1.

Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. London, New Haven, 1957.

Wittrock B. Social Theory and Global History: The Three Cultural Crystallizations // Thesis Eleven. May 2001. Vol. 65.

М.Б. Буланова
(Москва)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ Н.С. ТИМАШЕВА

Н.С. Тимашев (1886-1970) — выдающийся русский правовед, социолог, научное наследие которого огромно и еще ждет своих исследователей. Живя в условиях эмиграции, ученый приложил все силы, чтобы быть в курсе тех событий, которые происходили на его родине, в России, судьба которой волно-